

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVII.

1892 Г.

ІЮНЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1892.

Судьба экзарха Никифора въ западной Россіи.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

I.

Октябрьскій брестскій соборъ 1596 года, на которомъ предполагалось соединеніе православія съ католицизмомъ въ формѣ унії, привелъ только къ раздору.

Издавна католическое правительство Польши заботилось въ своемъ государствѣ объ унії и до конца XVI в. не теряло надежды видѣть соглашеніе церквей съ подчиненіемъ, конечно, православія католицизму; но теперь, на брестскомъ соборѣ, стороны рѣшительно убѣдились, что такое соединеніе въроисповѣданій не возможно. Представители двухъ главныхъ въроисповѣданій въ краѣ, съѣхавшіеся въ значительномъ количествѣ на этотъ соборъ, разорились и предали другъ друга проклятию. Для католиковъ проклятие православныхъ не имѣло, конечно, важныхъ послѣствій: католицизмъ былъ религіею правительственною; на его сторонѣ стояла государственная власть. Хуже, разумѣется, пришлось православнымъ. Они лишились большинства своихъ епископовъ, перешедшихъ, по личнымъ разсчетамъ, въ унію, и терпѣли по мѣстамъ насилия со стороны католиковъ. Западно-русская церковь осыротѣла въ своемъ представительствѣ. Оставшіеся два епископа не могли управиться съ ея дѣлами, да и притомъ это были люди съ далеко небезупречнымъ прошлымъ. Что касается средняго православнаго духовенства, то—не далекое (чтобы не сказать сильнѣе) по своему развитію—оно заботилось лишь о своихъ личныхъ, жи-

тейскихъ нуждахъ и интересы своей частной жизни ставило выше интересовъ общества. Кромѣ того, оно стояло въ материально - имущественной зависимости отъ польскихъ пановъ, привыкшихъ сильно злоупотреблять своимъ правомъ раздаянія духовныхъ мѣстъ. Но хуже всего было то, что православная, западно - русская церковь послѣ брестского собора не имѣла митрополита (ея прежній митрополитъ перешелъ въ унію).

При такихъ - то обстоятельствахъ, православные обратились къ константинопольскому патріарху, которому офиціально была подчинена западно-русская митрополія, представили на его разсмотрѣніе дѣяніе брестского собора и просили совѣта и помощи въ неравной, тяжелой борьбѣ съ уніатами и католиками. Въ то печальное время, по нѣсколько преувеличеному извѣстію документа, „*все христіанство подвиглось до святѣйшаго патріарха изъ разныхъ мѣстъ и о томъ знати давати ему почали, просячи о ратуновѣ*“.

На константинопольскую патріаршую каѳедру вступилъ тогда, послѣ смерти Іеремія II, въ званіи пока мѣстоблюстителя, александровскій патріархъ Мелетій Нигасъ.

Принято обыкновенно думать, что Мелетій Нигасъ былъ „хорошо знакомъ съ положеніемъ западно-русской митрополіи, съ которой не разъ сносился и прежде¹⁾“.

Конечно, переписка патріарха Мелетія Нигаса съ разными лицами западно-русской митрополіи, составившая цѣлый томъ сочиненій въ переводѣ на русскій языкъ²⁾, фактъ слишкомъ очевидный, чтобы можно было что нибудь возразить противъ него, но мы осмѣлимся высказать свое положеніе, что одного письменного сношенія очень недостаточно для „хорошаго знакомства“ съ какою бы то ни было страной, а тѣмъ болѣе такой, какъ западная Русь, где издавна сталкивались самые разнородные религіозные интересы, которые могли быть хорошо поняты только на мѣстѣ. Факты очень печального свойства

¹⁾ Макарій — „Исторія русской церкви“, т. X, стр. 242. Мифніе пр. Макарія повторено многими изслѣдователями.

²⁾ Второй томъ „Мелетія Нигаса“ И. И. Малышевскаго.

подтверждаютъ справедливость нашего положенія. Напримѣръ, патріархъ Іеремія II не разъ сносился съ южнорусскою митрополіею, писалъ въ нее не одно посланіе; мало того, онъ даже не малое время жилъ въ предѣлахъ западной Руси и, слѣдовательно, имѣлъ хорошій случай непосредственнаго знакомства съ дѣлами западнорусской митрополіи, и однако, при всемъ томъ, какъ скучны, неправильны были его свѣдѣнія о западнорусской церкви! Развѣ мало повредилъ онъ ея интересамъ своимъ нетактичнымъ вмѣшательствомъ въ ея дѣла? Если люди, постоянно жившіе въ предѣлахъ польско-литовскаго королевства, порою становились въ тупикъ предъ многими явленіями ея жизни, ошибались въ ихъ дѣйствіяхъ, терялись, не знали что дѣлать и невольно приходили къ сознанію, что для участія въ дѣлахъ своей родной церкви имъ недоставало пониманія ея интересовъ, то тѣмъ страннѣе утверждать, что далекій восточный патріархъ былъ хорошо знакомъ съ южнорусскою церковью на основаніи одной переписки...

Братства... На нихъ была одна надежда. Правда, они держались дружно. Виленскіе и особенно львовскіе братчики, въ ряду которыхъ числились выдающіеся представители дворянскихъ родовъ западной Россіи, упорно отстаивали интересы какъ своихъ общинъ, такъ и вообще интересы своего православнаго края. Они не разъ заносили жалобы на несправедливыя отношенія къ нимъ униатовъ и католиковъ въ городскія актовыя книги. Но если справедливо то, что о всякомъ дѣлѣ изслѣдователь долженъ судить по его окончательнымъ результатамъ, то должно сказать, что въ итогѣ дѣятельности братствъ оказалось, въ сущности, очень мало утѣшительного для православной южнорусской церкви того времени. Не прошло даже пятнадцати лѣтъ послѣ брестской уніи, какъ всѣ почти дворянскіе православные роды перешли въ католицизмъ, или протестантизмъ, и изумленный свидѣтель событий имѣлъ полное право оплакивать измѣну лучшихъ представителей православія сильнымъ энергическимъ воплемъ отъ лица своей родной, православной церкви. „Гдѣ неоцѣненные камни моего вѣнца, славные роды русскихъ князей, какъ-бы плачетъ южно-

русская церковь описываемаго времени, князья Слудкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вышневецкіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломерецкіе, Головчинскіе, Коширскіе, Массальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыны, и другие безъ числа?“ Въ „Өриносѣ“ Мелетія Смотрицкаго оплаканы почти всѣ дворянскіе роды православной южной руси.

Князь Константинъ Острожскій... Конечно, онъ былъ вліятеленъ по своему фамильно-государственному положенію (какъ сенаторъ и потомокъ стаиннаго рода), могущественъ по своему богатству и силѣ (какъ владѣтель огромнаго имѣнія, приносившаго, если вѣрить польскимъ историкамъ, до 2,000,000 злотыхъ; замѣтимъ, что „злотъ“, „злотый“, нынѣ 15 копѣекъ, въ то время цѣнился почти въ 20 разъ больше), энергиченъ и дѣятеленъ, по своему характеру и темпераменту. Въ это критическое время для западнорусской церкви онъ былъ даже назначенъ патріархомъ Мелетіемъ — экзархомъ южнорусской митрополіи на ряду съ Гедеономъ, епископомъ львовскимъ, и Кирилломъ Лукарисомъ, протосингелломъ. Но изслѣдователь потратилъ бы напрасно время, если бы, соблазнившись громкимъ, новымъ титуломъ князя-экзарха патріаршаго престола, подумалъ, что съ нимъ открылся новый какой нибудь періодъ его дѣятельности и сталъ бы искать въ его дальнѣйшей жизни какихъ либо особенно важныхъ предпріятій на защиту православной церкви. Все лучшее, что могъ сдѣлать князь Острожскій для защиты своей вѣры и народа, было имъ сдѣлано раньше (основаніе острожской типографіи и школы, заботы объ унії безъ нарушенія сущности православія, защита національныхъ правъ своего народа на польско-литовскихъ сеймахъ, противодѣйствіе унії на окончательномъ брестскомъ соборѣ 1596 г.). Теперь, на закатѣ дней своихъ, онъ постепенно охладѣваетъ въ своей продолжительной и тяжелой роли защитника православной церкви. Испытавъ многія средства защиты ея интересовъ, какъ законныя, такъ и незаконныя (участіе князя въ казацкихъ бунтахъ, вызванныхъ слухами объ унії, не подлежитъ сомнѣнію), онъ утомился въ своей роли. Правда, онъ и теперь присутствуетъ на второмъ протестантскомъ сеймѣ, къ нему

по прежнему обращаются за совѣтомъ и помощью разныя братства, предъ нимъ заискиваютъ даже папа, никогда, впрочемъ, не терявшій надежды склонить могущественнаго князя Острожскаго къ своему трону, и теперь еще, по старой привычкѣ, онъ участвуетъ во многихъ церковно-общественныхъ дѣлахъ, но это уже не та горячая, энергическая дѣятельность пылкаго, рѣшительнаго князя, а спокойная, ровная и какъ бы равнодушная дѣятельность человѣка усталаго, требующаго себѣ больше внутренняго спокойствія, чѣмъ внѣшнихъ впечатлѣній. Поживъ на свѣтѣ 70 лѣтъ, князь теперь сталъ предаваться меланхолическимъ настроеніямъ и часто подумывалъ о томъ, „ижъ крутно зъ свѣтомъ разставатися“. Время князя миновало. Онъ тихо доживалъ свой длинный вѣкъ. Такъ яркіе лучи предъ закатомъ солнца блестятъ и свѣтятъ, но не грѣютъ. Никогда, кажется, роль экзарха не была такъ не кстати, какъ въ отношеніи къ князю Константину Константиновичу Острожскому послѣ брестскаго собора. Экзаршество было не болѣе какъ лишнимъ эпитетомъ въ длинномъ княжескомъ титулѣ. До какой степени князь Острожскій былъ безсиленъ въ своей роли экзарха, обѣ этомъ можно судить по тому обстоятельству, что онъ не могъ выручить изъ бѣды константинопольскаго протосингела Никифора, котораго самъ же вызвалъ въ Острогъ и котораго постигла въ западной Руси печальная судьба: онъ сдѣлался жертвою интригъ польскаго правительства, преслѣдовавшаго въ то время узко-національныя, политическія цѣли въ своемъ разноплеменномъ и крайне неопределенномъ, по своимъ этнографическимъ предѣламъ, государствѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсказу этихъ интригъ, познакомимся въ общихъ чертахъ съ жизнью Никифора.

II.

Исторія не сохранила намъ подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о жизни Никифора. Поэтому, въ его біографіи намъ приходится ограничиваться предположеніями и тѣмъ немногимъ

историческимъ материаломъ, какой даютъ намъ южнорусские документы конца XVI вѣка.

По всей вѣроятности, протосингелъ Никифоръ былъ родомъ изъ Греціи, гдѣ и получилъ свое первоначальное образованіе. По обычаю того времени, онъ отправился въ Италію для обученія наукамъ. Нѣкоторое время онъ былъ учителемъ различныхъ наукъ въ падуанскомъ высшемъ училищѣ, потомъ семь лѣтъ проповѣдовалъ при одной церкви въ Венеціи. Воспользовавшись вліяніемъ своей сестры, которая была одною изъ женъ султана, онъ вошелъ въ дружеское расположение правителей Турціи и слылъ, вообще, за человѣка вліятельнаго („великой ваги“). Быть можетъ, вслѣдствіе этого именно своего положенія, онъ приблизился къ тогдашнему константинопольскому патріарху Іереміи II и въ 1592 году возведенъ былъ въ почетное званіе великаго протосингелла и экзарха константинопольского патріарха.

Въ званіи протосингелла Никифоръ два раза управлялъ константинопольской патріархіей въ 1592 — 1594 годахъ. Въ польско-литовскомъ государствѣ подготавлялась въ это время унія, и до Константинополя стали доходить тревожныя извѣстія о желаніи большинства западнорусскихъ епископовъ перейти въ унію. Львовское братство въ 1592 году писало обѣ этомъ патріарху и просило его прислать въ западную Русь какое нибудь уполномоченное лицо для прекращенія замѣшательствъ, возникшихъ вслѣдствіе этихъ слуховъ объ уніи. Обѣ этомъ-же писалъ патріарху князь Острожскій и другие защитники западнорусской церкви. Константинъ Константиновичъ Острожскій кроме того просилъ еще патріарха прислать ему для устройства его острожской школы какого нибудь опытнаго дидаскала, который-бы зналъ греческій языкъ и могъ хорошо поставить обученіе въ школѣ. Никифоръ согласился принять предложеніе князя Острожскаго и отправился въ югозападную Русь собственно „для наученія дитокъ“. Ему-же, кажется, было поручено патріархомъ за одно устроить дѣла западнорусской церкви. Никифоръ приготовился уже къ отъѣзду, но совершенно непредвидѣнныя обстоятельства случайно задержали его въ Константинополѣ.

Случилось такъ, что валашскій господарскій престолъ, послѣ смерти воеводы Петра, оставался въ то время не занятымъ. Турецкій султанъ давно имѣлъ виды на Валахію; онъ хотѣлъ уравнять ее въ административномъ отношеніи съ другими турецкими провинціями и „посадити на то господарство своего турчина“ (Валахія пользовалась правомъ самоуправленія, но въ то-же время считалась административно-зависимою отъ Турціи). Христіанское населеніе Валахіи сильно встрѣвожилось. Оно всѣми силами старалось отстранить отъ себя турецкаго кандидата (боялось, чтобы „близко христіанъ турокъ не засѣлъ“). Протосингелъ Никифоръ принялъ дѣятельное участіе въ положеніи Валахіи, и, благодаря его ходатайству при константинопольскомъ дворѣ, господаремъ былъ избранъ нѣкто Ааронъ—христіанинъ. Султанъ былъ умилостивленъ большими подарками, занятыми Аарономъ подъ поручительствомъ Никифора. Когда, такимъ образомъ, волошскія дѣла въ Константинополѣ были устроены, Никифоръ отправился въ Литву и по дорогѣ остановился въ Валахіи, гдѣ видѣлся съ Аарономъ и совѣщался съ нимъ объ уплатѣ долга. Въ это время онъ получилъ новая посланія изъ Литвы, въ которыхъ православные просили его не медлить пріѣздомъ; но обстоятельства складывались очень неблагопріятно для дальнѣйшаго путешествія Никифора. Его снова задержали. Коронный польскій гетманъ Янъ Замойскій вошелъ въ Валахію съ 6,000 войска и предъявилъ своего кандидата на валашское господарство—Іеремію Могилу. Переоконскій ханъ, не желавшій, чтобы Іеремія—кандидатъ поляковъ—занималъ валашскій престолъ, послалъ въ Валахію 80,000 войска препятствовать намѣреніямъ Яна Замойскаго. Султанъ въ свою очередь тоже не легко могъ отказаться отъ желанія видѣть на валашскомъ господарствѣ своего кандидата и тоже послалъ въ Валахію свое войско подъ начальствомъ Синамъ-наши. Въ Валахіи открылись еще большие раздоры. Ея положеніе было критическое. При такихъ обстоятельствахъ, Іеремія и валашскіе паны „съ плачомъ“ прошли Никифора „яко отца“, чтобы онъ, какъ человѣкъ съ сильными связями, уладилъ какъ нибудь это дѣло и „души христіанскія изъ неволи и смерти выбавилъ“. Никифоръ, уступая

просьбамъ, взялъ на себя невыплаченный долгъ Аарона, принялъ сторону Іереміи и убѣдилъ султана и перекопскаго хана признать господаремъ Іеремію. При этомъ, онъ уговорилъ поляковъ согласиться, чтобы Іеремія, возведенный ими на валашское господарство, присягнулъ султану на вѣрноподданчество, потому что только подъ этимъ условиемъ возможно было отступление турокъ. Султанъ получилъ новые подарки, Іеремія осталася господаремъ, и Валахія успокоилась. Никифоръ отправился дальше.

Лишь только вступилъ онъ въ предѣлы польско-литовскаго государства, его задержали пограничные власти и заключили въ тюрьму, какъ человѣка подозрительного, перѣхавшаго границу въ непокойное время. Въ это время въ 1595 году вышелъ окружной королевскій указъ ко всѣмъ пограничнымъ властямъ, въ которомъ строго „заказовалось, абы жадного посла, а ни листовъ отъ патріарха константинопольскаго не пропущано“. Въ силу этого указа, Никифора и арестовали. Въ положеніи арестанта Никифоръ пробылъ больше шести мѣсяцевъ. Такъ какъ его съ нетерпѣніемъ ожидали на Волыни, то онъ „зъ везеня ушолъ“, подражая въ этомъ случаѣ, какъ онъ самъ потомъ говорилъ, примѣру апостола Павла, который для блага христіанской проповѣди, „въ кошу по стѣнѣ, спустившися, утекъ“. Лѣтомъ или въ началѣ осени 1596 года онъ былъ уже у князя Константина Константиновича Острожскаго въ Острогѣ.

Прибытіе въ южную Русь экзарха Никифора—лица съ столь важными церковно-административными полномочіями—имѣло большое значеніе для православныхъ. Явившійся представитель восточной церкви напомнилъ униатамъ о единствѣ православія, при которомъ всякое сепаративное уклоненіе епископовъ отъ восточной церкви должно быть наказано, какъ незаконное. Протосингелъ остановился у князя Острожскаго, который съ литовскимъ дворянствомъ принялъ его съ подобающею честью и послалъ къ королю посольство съ донесеніемъ о прїездѣ представителя восточной церкви.

Знакомясь на мѣстѣ съ положеніемъ церковныхъ дѣлъ въ западной Россіи, экзархъ встрѣтилъ множество самыхъ разно-

рѣчивыхъ слуховъ о митрополитѣ; но онъ былъ слишкомъ остороженъ для того, чтобы придавать этимъ слухамъ достовѣрность. Онъ обратился къ самому митрополиту съ письмомъ, въ которомъ просилъ сказать ему что нибудь опредѣленное относительно своего участія въ унії.

Митрополитъ ничего не отвѣталъ на запросъ протосингелла и продолжалъ вести свою крайне неопределенную политику въ отношеніи къ православнымъ. Положеніе митрополита рѣшительно выяснилось на окончательномъ брестскомъ соборѣ 1596 года.

За день до открытия этого собора Никифоръ вторично писалъ посланіе къ митрополиту отъ своего имени и отъ имени Кирилла Лукариса, экзарха александрийского престола, прибывшаго тоже на соборъ въ Брестъ. Въ этомъ второмъ посланіи восточные экзархи напоминали какъ митрополиту, такъ и православнымъ епископамъ, согласившимся на унію, о своемъ пріѣздѣ и приглашали ихъ для совѣщанія, съ прибавкою, что они, какъ намѣстники патріарховъ, ждутъ должного къ себѣ почтеннія... Посламъ экзарховъ былъ данъ короткій, дипломатически-двусмысленный отвѣтъ:

— Посмотримъ.... Если намъ угодно будетъ придти, мы придемъ.

Они не явились.

Оба протосингелла были задѣты въ своемъ честолюбіи такимъ невнимательнымъ отношеніемъ митрополита къ ихъ посланіямъ. Не дождавшись ни митрополита, ни его сообщниковъ-епископовъ, православные открыли соборъ подъ предсѣдательствомъ восточныхъ экзарховъ Никифора и Кирилла въ частномъ, кажется, протестантскомъ домѣ Райскаго, гдѣ остановился князь Острожскій. Соборъ православныхъ въ протестантскомъ домѣ— явленіе странное; но для объясненія его нужно принять во вниманіе, во первыхъ, близкія, дружелюбныя отношенія въ то время православныхъ и протестантовъ западно-русскаго края, а, во вторыхъ, особое распоряженіе братскаго епископа Ипатія Попѣя запереть въ городѣ всѣ православные храмы—обычныя мѣста соборныхъ засѣданій. Никифоръ, какъ предсѣдатель православнаго собора, заявилъ всѣмъ собравшимся для совѣщанія,

что „хотя митрополитъ и находящіеся при немъ епископы (согласившіеся на унію), поступаютъ противозаконно, но мы (православные), не подражая имъ, будемъ поступать согласно съ (церковными) правилами“.

Мы не станемъ рассказывать о дальнѣйшемъ участіи Никифора въ соборныхъ засѣданіяхъ, потому что это значило-бы рассказывать всю исторію брестского православнаго собора 1596 года. Замѣтимъ только, что Никифоръ съумѣлъ провести свою роль предсѣдателя очень авторитетно и тактично. Когда послѣ первого отказа отступниковъ-епископовъ явиться на соборъ, православные потребовали ихъ осужденія, Никифоръ не согласился съ такою преждевременною и, потому, крайнею мѣрою и отправилъ къ митрополиту посольство съ вторичнымъ приглашеніемъ на соборъ. Послы воротились и передали собору, что были приняты митрополитомъ съ яростью и презрѣніемъ и отправлены безъ отвѣта“. Митрополитъ сказалъ только:

— Напрасно нась ждете, мы не придемъ.

Православные, выслушавъ такой дерзкій отвѣтъ, снова потребовали немедленнаго осужденія отступниковъ.

— Мы должны исполнить всѣ, что предписываютъ правила, отвѣтилъ Никифоръ и, согласно евангельскому совѣту три раза обращаться къ заблудившему въ вѣрѣ, назначилъ третье и послѣднее посольство къ митрополиту. На этотъ разъ посольству былъ данъ такой отвѣтъ:

— Что сдѣлалось, то сдѣлалось... иначе быть не могло... мы отдались западной церкви.

Послѣ этого оставалось произнести осужденіе уніатамъ, такъ какъ намѣренія ихъ теперь стали очевидны.

Въ длинной, риторической рѣчи Никифоръ изложилъ тогда бѣдственное положеніе западнорусской церкви: пренебрежительное отношеніе митрополита къ патріарху, измѣну его православію, своекорыстное влеченіе епископовъ уніатовъ къ личнымъ выгодамъ и волненія, происшедшія по этому поводу въ православной церкви. Протосингелъ пожелалъ подробно узнать, когда и при какихъ обстоятельствахъ измѣнилъ митрополитъ своей вѣрѣ. Тогда всталъ съ своего мѣста архимандритъ кіевскій и

вкратцѣ изложилъ всю исторію отступленія митрополита и вѣдѣкъ отъ православія.

Когда все было разобрано и обсужденено соборомъ, Никифоръ въ заключительномъ засѣданіи собора произнесъ вторую рѣчъ, въ которой пунктуально изложилъ главныя вины митрополита и епископовъ, отдавшихся унії. Когда рѣчъ была кончена, соборъ „сталъ налагать“ на низложеніи виновныхъ.

Тогда Никифоръ сталъ на высокомъ мѣстѣ и, держа въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой св. Евангеліе, прочелъ въ всеуслышаніе „апофасисъ“, т. е. декретъ, которымъ отступники-епископы низлагались съ своихъ мѣстъ. Этотъ декретъ былъ возвѣщенъ уніатамъ чрезъ особаго посла, которому поручалось сказать епископамъ такія слова:

— Знайте, что за ваше новомысліе, отступничество и непокорность божественнымъ и святымъ правиламъ вы низложены съ своихъ іерархическихъ званій.

Такъ „экзархъ Никифоръ, имѣя полную власть отъ святѣшаго патріарха со всѣмъ соборомъ... Михайла Рагозу, митрополиту, со всѣми его единомышленниками уніатами, изъ достоинствъ, яко правоприсяжцовъ патріаршихъ, низвергъ и анаемъ или проклятію предалъ“.

По окончаніи собора князь Острожскій увезъ Никифора съ собою въ Острогъ, гдѣ грекъ-дидаскалъ занимался на досугѣ обученіемъ дѣтей въ острожской школѣ. Но не долго продолжалось покойное пребываніе Никифора въ Острогѣ. Польское правительство и уніаты были очень недовольны вмѣшательствомъ Никифора въ дѣла западнорусской, православной церкви. Они искали повода поколебать авторитетъ предсѣдателя православнаго брестскаго собора и еще до этого собора распространяли о Никифорѣ неосновательные слухи, будто бы онъ былъ шпіономъ. Но тогда эти слухи не могли имѣть серьезнаго значенія въ виду недоказанности факта. Послѣ собора, скоро представился удобный поводъ для обличенія Никифора въ разныхъ небывалыхъ преступленіяхъ. Его привлекли къ суду и подняли шумный, для того времени очень сложный процессъ, кончившійся печальною развязкою для подсудимаго.

Дѣло началось съ маловажныхъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ дѣятельностью Никифора, обстоятельствъ¹⁾.

III.

Позднею осенью 1596 года чрезъ „маетность пана гетмана короннаго“ Замойскаго проѣзжалъ Янъ волопанинъ (родомъ изъ Валахіи). Его послалъ князь Константинъ Острожскій въ Валахію съ порученіемъ купить турецкихъ лошадей.

Хотѣлось ли князю усилить свою конницу, или ему понадобились лошади для пышныхъ выѣздовъ, къ которымъ онъ, какъ и всѣ знатные польскіе дворяне того времени, имѣлъ большую страсть, неизвѣстно да и не важно; извѣстно только, что волохъ былъ отправленъ съ этою именно цѣлью и имѣлъ пропускную грамоту въ самую Валахію.

Кто знакомъ съ проѣздными осенними дорогами западно-русскаго края въ настоящее даже время, этими непроходимо грязными, узкими и иногда совершенно теряющимися въ лѣсахъ и поляхъ дорогами, тому легко понять очень не веселое настроение путника по этимъ дорогамъ въ XVI вѣкѣ. Путь изъ Острога въ Валахію лежалъ чрезъ нынѣшнюю подольскую губернію, сѣверную часть бессарабской и Молдавію. Этюю дорогою сообщались православные съ восточными патріархами, ею и отправился Янъ волохъ.

Показался Шаргородъ, въ то время очень незначительное мѣстечко, принадлежавшее имѣнію графа Замойскаго. Янъ зналъ, что здѣсь жили нѣкоторые его земляки — волошане, съ кото-

¹⁾ При изложеніи судебнаго процесса Никифора мы, главнымъ образомъ, пользовались данными трехъ историческихъ документовъ: „саѣдственного дѣла объ экзархѣ Никифорѣ“ (Акт. Зап. Росс. т. IV, № 117, стр. 159—165), „Перестроги“ (Акты Зап. Росс. т. IV, № 149, страницы 213 — 220) и „извлеченія изъ рукописи, содержащей описание Варшавскаго сейма, въ февраль и мартъ 1597 года“ („Материалы для исторіи западнорусской церкви“. Приложение къ 1-му тому сочиненія Голубева: „Петръ Могила и его сподвижники“, № XV, стр. 46—60).

Первые два источника, вышедшия изъ пера православныхъ агологетовъ, говорятъ о Никифорѣ, какъ о мученикѣ за вѣру православную, невинной жертвѣ польскихъ интригъ; третій источникъ съ объективною сухостью и довольно точною

рыми онъ былъ „доброй мысли“. Онъ рѣшилъ остановиться въ Шаргородѣ и отдохнуть. Онъ былъ при деньгахъ и хорошо сознавалъ, куда и зачѣмъ идетъ. Торбу свою Янъ особенно берегъ, такъ какъ въ ней, кромѣ денегъ, находились письма князя Острожскаго и кромѣ того четыре письма какого то Пафнутія монаха къ разнымъ лицамъ, жившимъ въ Валахіи и Турціи. Всё было-бы хорошо, если-бы Янъ, сознавая важность своей миссіи, остерегался выпивать лишнее по дорогѣ, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ имѣнія гетмана Замойскаго, который находился не въ ладахъ съ княземъ Острожскимъ. Но случилось какъ разъ наоборотъ. Въ Шаргородѣ онъ сошелся съ земляками и неожиданно попалъ на обѣдъ къ шаргородскому подстаростѣ Хржонстовскому. Подстароста принялъ его очень любезно и во время обѣда спросилъ гостя: куда онъ ёдетъ?

— Въ Волощину, отвѣчалъ Янъ, купить князю Острожскому лошадей... У меня есть пропускной листъ князя...

Янъ, въ минуты хорошаго настроенія, былъ откровеннымъ до слабости. Онъ уже собирался подробно разсказать о своемъ посольствѣ, но земляки-друзья шепнули ему, чтобы онъ, на вся-

---

обстоятельностью рассказываятъ порядокъ судебнаго процесса надъ Никифоромъ и отношеніе къ подсудимому короля и сенаторовъ. Всѣ три источника, дополня другъ друга, даютъ любопытную страничку изъ западнорусской общественной жизни конца XVI в. Въ изложеніи фактъ процесса мы руководились, преимущественно, „описаніемъ сейма“, дополняя его данными слѣдственного дѣла, представляющаго мѣстами буквальный перифразъ „описанія“. Что касается „Перестроги“, то на этомъ произведеніи, какъ известно каждому, кто только читалъ этотъ документъ, лежитъ самая большая печать свободной импровизаціи увлекавшагося автора, допустившаго въ своеемъ разсказѣ много несообразностей. Къ этому источнику мы прибѣгали въ рѣдкихъ случаяхъ. Нѣкоторыя историческія данные о Никифорѣ представляютъ еще „Апокризисъ“, „Ekplexis“ и „Асты южной и западной Россіи“. Въпольской исторической литературѣ процессъ Никифора оставленъ безъ вниманія: Шасецкій, Нѣмцевичъ, Сѣрчинскій, Гейденштейнъ, Стебельскій ничего не говорятъ объ этомъ процессѣ. Изъ нашихъ историковъ говорили мимоходомъ о Никифорѣ изслѣдователи увії (Соловьевъ, Макарій, Костомаровъ и др.). Изъ мелкихъ историческихъ статей о Никифорѣ отыѣтимъ статью Кояловича въ „Странникѣ“ 1860 года, ноябрь, сгр. 197—217. Какъ составленная по даннымъ только „перестроги“ и „слѣдственного дѣла“, она представляетъ собою почти сплошной панегирикъ противника Никифору.

Полная и обстоятельная біографія Никифора принадлежитъ пока будущему.

кій случай, быль посторожнѣе въ словахъ. Это не скрылось отъ взгляда Хржонстовскаго. Наступило молчаніе.

— А есть-ли у тебя еще какія нибудь бумаги? спросилъ подстароста, немного погодя.

— Нѣтъ, никакихъ больше нѣтъ, отвѣтилъ Янъ неровнымъ голосомъ.

„Не шпіонъ-ли это...“ мелькнуло въ головѣ Хржонстовскаго.

— А денегъ съ тобою много?

— Да, есть... кое что... не особенно много...

— А сколько?

— 100 червоныхъ злотыхъ.

— Маловато, замѣтилъ подстароста. Для такой дальней дороги это маловато.

— Ничего, обойдусь какъ нибудь, а если не хватитъ, то въ Валахіи займу, сказалъ наугадъ Янъ, не сознавая самъ, зачѣмъ онъ говорить это.

— У кого-же ты займешь? обратился къ нему Хржонстовскій.

— У кого?!.. Тамъ у одного купца... Есть тамъ...

— Кто такой? Какъ его звать?

Янъ окончательно смѣшался.

— М... не знаю, не помню... Какъ его, того...

Подстароста усмѣхнулся. Его подозрѣнія очень правдоподобно подтверждалась сбивчивостью отвѣтовъ Яна. За Яномъ вѣдѣно было слѣдить.

Гдѣ успѣлъ Янъ-воловъ выпить, на обѣдѣ ли у шаргородскаго подстаросты, или угостили его на прощаніе земляки—неизвѣстно, но фактъ тотъ, что передъ самимъ отѣзdomъ изъ Шаргорода онъ быль сильно выпивши и долго бѣгалъ зачѣмъ-то по рынку. Проѣзжая чрезъ шаргородскую торговую площадь къ выходу изъ мѣстечка, онъ самъ не замѣтилъ, какъ обронилъ на самой площади привязанную къ сѣдлу свою торбу. Её тотчасъ-же поднялъ замковый слуга. Онъ удивился, найдя тамъ „червоные“ и охотно скрылъ-бы свою находку, если бы её не замѣтили также и другіе; но „видячи же не утаится“, отнесъ её до замку, до вряду. Осмотрѣлся въ дорогѣ и Янъ, „же ему ся торба упала“, и встревожился.

— Не видѣлъ-ли кто моей торбы? спросилъ онъ проходившихъ.

Ему сказали, что она отнесена въ замокъ. Онъ вернулся къ шаргородскому подстаростѣ и началъ просить его, „абы была ему отдана“.

— Ты шпіонъ, сказалъ ему въ отвѣтъ на его просьбу подстароста: ты только разъѣзжаешь по нашей землѣ съ различными письмами да выслѣживашь, гдѣ что дѣлается...

Яна посадили въ тюрьму, „побравши пѣнязи себѣ“. Послѣднее обстоятельство особенно смущило Яна. Онъ никакъ не могъ помириться съ пропажею своихъ червонныхъ и вспоминаль о нихъ почти при каждомъ допросѣ.

Шаргородскій подстароста тотчасъ же далъ знать гетману Замойскому, что въ его имѣніи пойманъ шпіонъ воеводы кіевскаго, князя Острожскаго, съ очень важными письмами, писанными на греческомъ языкѣ. Гетманъ Замойскій велѣлъ немедленно прислать къ себѣ Яна.

Чтобы понять, почему такое, повидимому случайное и само по себѣ малозначительное событие, какъ находка торбы съ иностранными письмами, могло произвести такой переполохъ, нужно принять во вниманіе, главнымъ образомъ, два обстоятельства: тревожное настроеніе того времени и вражду гетмана Замойскаго съ княземъ Острожскимъ.

Политическія столкновенія Польши съ соѣдними государствами и вѣроисповѣдныя волненія, поднятые недавнимъ брестскимъ соборомъ, заставляли тогда всѣхъ и каждого прислушиваться ко всему, что имѣло или даже могло-бы имѣть подозрительный характеръ. Въ то время всякий малозначительный фактъ легко могъ быть доведенъ молвою и обстоятельствами до крупныхъ размѣровъ.

Очень можетъ быть, что шаргородское приключеніе съ Яномъ волохомъ не имѣло бы никакихъ серьезныхъ послѣдствій и прошло-бы совершенно незамѣтно въ исторіи, если-бы гетманъ Замойскій находился въ добрыхъ отношеніяхъ съ княземъ Острожскимъ. Но, къ сожалѣнію, эти два могущественныхъ польскихъ магната находились въ то время во враждѣ.

Кромъ вражды къ князю Острожскому, гетманъ Замойскій имѣлъ личныя основанія быть недовольнымъ Никифоромъ. Когда Никифоръ прибылъ въ западную Русь, гетманъ долго убѣждалъ его поступить на службу въ его школу въ Замостыи и отказать князю Острожскому. Гетманъ предлагалъ Никифору самыя выгодныя условія—матеріальное обеспеченіе и кромъ того обѣщалъ выхлопотать ему у польского правительства полную власть надъ южнорусскимъ духовенствомъ. Но Никифоръ не согласился и уѣхалъ въ Острогъ. Всѣ доводы и претензіи гетмана были напрасны. Такую неудачу могъ забыть кто нибудь другой, но только не знатный полякъ, коронный гетманъ, „*jego mosc pan kanclerz wielkiego xiestwa litewskiego, praesente regia majestate*“.

Гетманъ Замойскій не безъ злорадства прочиталъ письма, перехваченные въ его имѣніи отъ его врага. Письма были, положимъ, не важны и бесодержательны, но нѣкоторымъ выраженіямъ изъ нихъ легко можно было придать серьезно-политическое значение. Такъ, въ одномъ письмѣ говорилось: „Я пріѣхалъ до Польши (въ Польшу) межи драпежные волки, т. е. межи псы—ляхи, которые принуждаютъ нашихъ христіанъ на свою папежскую вѣру и боятся между собою, ихъ уже до двадцати тысячи полегло (авторъ сильно преувеличивалъ послѣдствія недавняго мятежа Наливайки)“. Эта фраза была повторена и въ другихъ письмахъ. Кромъ того, въ одномъ письмѣ была еще такая приписка: „дай Богъ здоровья нашему цесарю; если бы онъ хотѣлъ на Польшу, то теперь бы удобное время“.

Гетманъ почему-то призналъ эти письма составленными экзархомъ Никифоромъ и поспѣшилъ донести о нихъ королю Сигизмунду III. Король повѣрилъ донесенію... и большая грозная туча разныхъ непріятностей стала собираться надъ головою Никифора, который, ничего не подозрѣвая, спокойно жилъ въ это время въ Острогѣ у князя Острожскаго⁴⁾.

⁴⁾ По словамъ „описанія варшавскаго сейма“, письма, найденные у Яна, были отосланы волошскому воеводѣ, который, прочитавъ ихъ, отвѣтилъ, что Никифоръ, действительно авторъ писемъ, лицо очень подозрительное, что онъ шпіонъ, убѣжавшій изъ тюрьмы. Къ этому господарь волошскій прибавилъ, что онъ—господарь—просилъ даже князя Острожскаго выдать ему этого шпиона, но князь не согласился..

Слухъ о шпіонствѣ экзарха-протосингелла, предсѣдателя недавно бывшаго православнаго брестскаго собора, скоро разнесся въ краѣ. Общественное мнѣніе и безъ того было возмущено въ то время появленіемъ разныхъ „шпекговъ“ (шпіоновъ) съ востока, которые, пріѣхавъ въ Польшу, часто даже безъ паспорта, выдавали себя за разныхъ пословъ, уполномоченныхъ и пользовались довѣріемъ общества для своихъ личныхъ, своеокрыстныхъ цѣлей. Король польскій вынужденъ былъ, какъ мы уже говорили, издать особый указъ, которымъ строго приказывалъ своимъ пограничнымъ властямъ контролировать каждого, кто будетъ въѣзжать въ предѣлы польско-литовскаго государства изъ Греціи и, вообще, съ востока. Если пріѣздъ каждого грека въ то время обращалъ на себя вниманіе польско-литовскаго правительства и возбуждалъ подозрѣнія въ политическихъ замыслахъ, то можно себѣ представить, какую сенсацію и переполохъ въ обществѣ долженъ былъ произвести слухъ объ арестѣ Яна волоха, посланного будто-бы съ тайными политическими извѣстіями въ турецкія области протосингелломъ Никифоромъ.

Польское начальство хотѣло немедленно судить Никифора въ частномъ областномъ судѣ (marshalковомъ), но этому воспротивился князь Острожскій. Онъ настоялъ, чтобы дѣло Никифора было разобрано публично, въ высшемъ судѣ, по всемъ правиламъ формально-юридического производства. Король согласился съ требованіемъ князя Острожскаго, и судъ надъ Никифоромъ былъ отложенъ до варшавскаго сейма 1597 года. Кн. Острожскій взялъ обвиненнаго къ себѣ на поруки съ обязательствомъ представить его въ свое время на варшавскій сеймъ.

IV.

Въ концѣ Февраля 1597 года открылся въ Варшавѣ генеральный сеймъ („вальный соймъ“) „съ ихъ милостями паны

Господарь Іеремія забылъ, такимъ образомъ, услуги Никифора для Валахіи и заплатилъ за нихъ черною неблагодарностью. Какъ увидимъ, изъ Валахіи приходило (должно полагать не безъ вѣдома господара) даже цѣлое посольство для лжесвидѣтельства на экзарха.

канцлерами коруннымъ и литовскимъ и съ великимъ логоєтомъ земли волосской". На этомъ сеймѣ предложены были для рѣшения разные государственные вопросы и въ томъ числѣ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ православныхъ къ уніатамъ. Но православные депутаты открыто заявили въ засѣданіи 4 марта, что они не уполномочены приступать ни къ какимъ переговорамъ по дессидентскому вопросу до тѣхъ поръ, пока польское правительство не удовлетворить ихъ законныхъ требованій относительно сохраненія правъ православныхъ.

— Мы требуемъ, говорили депутаты воеводства кіевскаго, чтобы наши духовные владыки оставались при своихъ прежнихъ правахъ и чтобы ихъ не принуждали къ подчиненію папѣ.

Вопросъ о правахъ православныхъ выступилъ съ особенною силою на засѣданіи сейма 7-го марта. Одинъ изъ православныхъ депутатовъ сейма нѣкто Гулевичъ, волынецъ, особенно рѣзко и энергично настаивалъ на независимости православія въ краѣ. Отъ лица всѣхъ православныхъ онъ потребовалъ, чтобы всѣ западнорусскіе епископы оставались при своей прежней вѣрѣ, а тѣ изъ нихъ, которые перешли въ унію, снова вернулись бы къ православію.

Это предложеніе очень не понравилось королю и польскимъ сенаторамъ. Не въ пользу Гулевича говорила рѣзкость, съ которой говорилъ свою рѣчь.

Когда Гулевичъ кончилъ, всталъ съ сенаторскаго мѣста канцлеръ великаго княжества литовскаго Сапѣга и отвѣтилъ православнымъ, что вопросъ объ уніи долженъ быть конченъ, такъ какъ на брестскомъ соборѣ было не мало православныхъ, которые добровольно согласились подчиниться папѣ. Ораторъ вкратцѣ рассказалъ исторію брестского собора и заключилъ, что уніей довольны всѣ, „кромѣ Никифора митрополита греческаго, этого нарушителя общаго согласія, бунтовщика, человѣка съ очень подозрительнымъ прошлымъ“.

Лишь только произнесено было имя константинопольского протосингелла и на защитника православія было публично высказано подозрѣніе въ шпіонствѣ, Константінъ Константиновичъ Острожскій, присутствовавшій на сеймѣ, не утерпѣлъ и

вступиль съ канцлеромъ въ горячій споръ. Въ засѣданіи произошло замѣшательство, „контроверсія“. Весь интересъ засѣданія, повидимому, сосредоточился на Никифорѣ. Заговорили о Янѣ—неудачномъ перебѣжчикѣ—и перехваченныхъ письмахъ. Король кстати напомнилъ князю Острожскому о его обѣщаніи представить Никифора на варшавскій сеймъ. Князь не отказывался отъ своего обязательства и въ тотъ же день послалъ за Никифоромъ въ Острогъ.

8 марта король съ сенаторами все напоминали князю Острожскому, чтобы онъ поторопился представить Никифора на судъ. Однако въ этотъ день онъ еще не могъ пріѣхать, и король занялся посторонними дѣлами.

Князю Острожскому, должно быть, очень надоѣли эти постоянныя напоминанія короля о Никифорѣ. Онъ и самъ ожидалъ прибытія грека. Мысль о судѣ надъ нимъ не выходила у него изъ головы и, войдя съ нѣсколькими сенаторами „do koła poselskiego“, онъ прервалъ ходъ засѣданія и завелъ снова рѣчь о Никифорѣ.

Отъ своего имени воевода кіевскій просилъ депутатовъ, чтобы Никифора, какъ человѣка особыхъ исключительныхъ полномочій, судилъ самъ его величество король и чтобы ему былъ данъ особый защитникъ для оправданія.

— Прокураторъ пусть опровергаетъ все, что будетъ возведено на Никифора по клеветѣ... Но въ случаѣ, если обвиненный захочетъ самъ защищаться, то на здоровье ему, пусть самъ оправдывается, сказалъ князь.

Требованія Острожскаго вызвали разногласія въ мнѣніяхъ депутатовъ. Одни положительно не соглашались съ княземъ.

— Съ давняго времени, такие подозрительные люди всегда судились по закону въ маршалковомъ судѣ, говорили они. Такія дѣла не касаются ни короля, ни депутатовъ сейма.

Другіе, напротивъ, защищали Никифора и считали заявленія князя Острожскаго вполнѣ согласными съ юридическими постановленіями польского королевства.

— Никифоръ не подлежитъ общесудебной практикѣ, отвѣчала эта партія, какъ иностранецъ и притомъ виднаго происхожденія.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVIII.

1892 г.

ІЮЛЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., дому № 4.

1892.

Судьба экзарха Никифора въ западной Россіи.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(ОКОНЧАНІЕ).

V.

Вечеромъ, 10 марта, подъ конвоемъ цѣлаго отряда казаковъ, въ Варшаву вѣхалъ „рыдванъ“ и остановился у королевскаго замка. Въ „рыдванѣ“ сидѣлъ Никифоръ. Онъ прїехалъ съ двумя острожскими православными священниками.

О прибытіи экзарха тотчасъ-же было доложено королю. Среди пословъ-депутатовъ опять поднялся споръ о томъ, какъ судить Никифора. Какъ и прежде, споръ не привелъ сторонъ къ соглашенію. Наконецъ, было высказано мнѣніе, что послы не имѣютъ права вмѣшиваться въ королевскіе суды, что его величество король самъ разсудить это дѣло и распорядится Никифоромъ по всей сираведности польскихъ законовъ. Король, въ угоду князю Острожскому, приказалъ судить его публично (*in Senatu*). Въ тотъ-же день была составлена спеціальная судебная комиссія по дѣлу Никифора, состоявшая изъ воеводъ: краковскаго, познанскаго, сандемирскаго, ленчицкаго, брацлавскаго, гетмана короннаго, маршалка короннаго и друг. Комиссія тотчасъ-же хотѣла приступить къ допросу, но король велѣлъ дожидаться прибытія Яна волоха, и слѣдствіе отложили къ слѣдующему дню. Тутъ возникъ новый вопросъ: куда отправить Никифора,—держать-ли его подъ арестомъ въ королевскомъ

¹⁾ Кіевск. Стар. 1892 г. № 6.

замѣ, или сдать на поруки князю Острожскому? Польские сенаторы, затѣвавшіе обыкновенно споры по самымъ маловажнымъ предметамъ и никогда, какъ известно, не приходившіе къ согласію, готовы были поспорить на эту тему, по крайней мѣрѣ, до вечера, если-бы король не прекращалъ такихъ разногласій своимъ постановленіемъ. Уважая высокій санъ представителя восточной церкви, онъ не хотѣлъ держать Никифора въ заключеніи и позволилъ ему жить у князя Острожского.

Наступило 11 марта.

Король не сгѣшилъ открывать засѣданіе сейма. Онъ долго совѣщался по дѣлу о Никифорѣ съ княземъ Острожскимъ, наводаривъ князя открыто сознаться въ винѣ Никифора во избѣженіе гласнаго скандала. Но князь стоялъ на своемъ и упорно защищалъ невинность протосингелла.

Послѣ совѣщенія, король отправился на сеймъ и велѣлъ позвать дидаскала, который былъ поставленъ на судъ самого короля. Позвали и Яна волоха. Началось слѣдствіе.

Прежде всего была подробно рассказана исторія ареста Яна волоха и прочитаны вслухъ найденыя при немъ письма: первое—къ митрополиту адрианопольскому, въ которомъ говорилось, что среди собакъ-ляховъ начались теперь большія замѣшательства отъ унії и что теперь именно самое удобное время для нападенія на Польшу. Второе письмо было адресовано къ Іеремії—сестрѣ автора—и ничего „неблагонамѣренного“ не заключало, въ немъ говорилось о частныхъ дѣлахъ... Третье—къ одному адрианопольскому попу — свидѣтельствовало, что самъ авторъ принужденъ скрываться среди собакъ-ляховъ, такъ какъ его будто-бы могли заподозрить въ шпіонствѣ. Наконецъ, четвертое—къ попу Эгіушу—заключало въ себѣ разсказъ о войнѣ православныхъ съ поляками и о 20,000 погибшихъ въ этой войнѣ. Кончивши чтеніе писемъ, инстигаторъ прибавилъ общія біографическія свѣдѣнія о подсудимомъ и рассказалъ при этомъ много самыхъ невѣроятныхъ преступленій, совершенныхъ будто бы Никифоромъ. Онъ обвинилъ его въ шпіонствѣ, въ тайныхъ сношеніяхъ съ Турціей и въ самовольномъ присвоеніи себѣ ти-

тула экзарха и протосингелла. Янъ обвинялся въ сообществѣ съ Никифоромъ.

Послѣ обвинительной рѣчи нистигатора, всталъ прокураторъ Прилѣпскій и много говорилъ въ защиту Яна и Никифора. Невинность первого онъ доказывалъ тѣмъ, что письма были даны ему какимъ-то грекомъ, ѿхавшимъ въ Москву, содержанія которыхъ Янъ не зналъ. Въ защиту втораго указывалъ на его высокое званіе патріаршаго протосингелла и экзарха, что подтверждаютъ его „*litterae testimoniales*“. Въ заключеніе прокураторъ просилъ, чтобы судебное дѣло было переводимо на понятный для Никифора языкъ (Никифоръ не зналъ хорошо польского языка, нѣсколько лучше онъ владѣлъ волошскимъ языккомъ, съ которымъ имѣлъ удобный случай познакомиться во время своихъ вмѣшательствъ въ политику волошского воеводства).

Король уважилъ послѣднее заявленіе прокуратора.

Затѣмъ, приступили къ слѣдствію. Такъ какъ главною уликою противъ Никифора служили письма, найденныя у Яна, то съ нихъ и начался допросъ.

— Отъ кого у тебя письма? Кто тебѣ ихъ далъ? Кто тебя посыпалъ въ Турцію? спросили Яна.

— Я собственно ѿхалъ въ Волошину затѣмъ, отвѣчалъ волохъ, чтобы узнать, что дѣлается съ моимъ хозяйствомъ („маєтностю“), которое я оставилъ своей женѣ при неласковомъ волошскомъ господарѣ Іереміи. Кромѣ того, меня послалъ его милость князь Острожскій купить ему турецкихъ лошадей... Онъ далъ мнѣ „червоные“ и пропускной листъ... Я ѿхалъ благополучно до самого Шаргорода. Въ Шаргородѣ меня схватилъ урядникъ, обозвалъ меня шпionомъ и отобралъ мою торбу... Изъ всѣхъ моихъ денегъ онъ далъ мнѣ только два „червонныхъ“...

— А письма тебѣ кто давалъ?

— Письма далъ мнѣ одинъ чернецъ, который тутъ-же на нихъ и подписался, тотъ самый, который съ Моратомъ, мѣщаниномъ пана гетмана, отправился въ Москву. Онъ узналъ, что

я отправляюсь въ Турцію, и далъ мнѣ эти четыре запечатанныя письма къ своимъ пріятелямъ.

— А дидаскалъ Никифоръ не давалъ тебѣ никакихъ порученій?

— Не давалъ.

— И писемъ не давалъ?

— Нѣтъ.

— Можетъ быть говорилъ что нибудь?

— Нѣтъ, ничего не говорилъ и ничего не давалъ мнѣ... А деньги мои у меня взяли и дали мнѣ только всего два „червоныхъ“...

Князь Острожскій, внимательно прислушивавшійся ко всему, что говорилъ Янъ, былъ доволенъ его показаніями. Онъ очень желалъ, чтобы эта „справа“ по неосновательнымъ подозрѣніямъ скорѣе кончилась и чтобы Никифора поскорѣе освободили. Когда допросъ кончился и сенаторы ничего не могли добиться отъ Яна для обвиненія Никифора, Константинъ Константиновичъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ королю и сказалъ:

— Вы слышали... Этотъ человѣкъ ни чемъ въ не виновенъ. Это дѣло ясное. Я поручаю его вашей королевской совѣсти... Можетъ быть, конечно, кто нибудь изъ васъ, господа сенаторы, захочетъ напиться неповинной крови, но я... не хочу... я не...

Онъ не могъ дальше говорить отъ волненія. Слезы пошли у старика изъ глазъ. Онъ вышелъ изъ засѣданія...

Яна волоха не одинъ разъ допрашивали въ этотъ день публичнымъ и частнымъ образомъ, но безуспешно. Янъ все говорилъ, что Никифоръ въ этомъ дѣлѣ совершенно не причастенъ и что у него отняли „червоные“. Измученный все одиними и тѣми-же допросами, онъ сталъ даже на колѣни и сказалъ:

— Милостивые панове! Если-бы вы даже приказывали рѣзать меня на части, то и тогда я бы сказалъ вамъ то, что

вы уже слышали, т. е., что письма далъ мнѣ одинъ монахъ, который въ Москву съ Моратомъ поѣхалъ, а отецъ протосингелъ и княжа его милость мнѣ тѣхъ листовъ не давали и ничего о нихъ не знали.

Послѣ допроса Яна волоха, кажется, было предоставлено право голоса самому Никифору¹⁾). Не зная по польски, онъ говорилъ „волосскимъ языкомъ и учинилъ широкую рѣчь до короля его милости и до всего сенату“, въ которой, привѣтствуя сеймъ отъ имени четырехъ святѣйшихъ патріарховъ и отъ всей святой, апостольской, каѳолической церкви, „далъ справу о себѣ, что есть за человѣкъ“. Изъ рѣчи, которая, къ сожалѣнію, передана въ актахъ не собственными словами, сенаторы узнали, что Никифоръ человѣкъ видный и умный. Онъ былъ въ Падуѣ нѣсколько лѣтъ учителемъ (ректоромъ) наукъ греческихъ, его тамъ слушали „польскіе панята“, прїѣзжавшіе изъ Польши въ Италію учиться иностраннымъ наукамъ; потомъ онъ состоялъ проповѣдникомъ при одной греческой церкви въ Венеціи, это могутъ подтвердить (говорилъ Никифоръ) его слушатели, среди которыхъ было не мало вліятельныхъ особъ. Вернувшись въ Константинополь, онъ получилъ званіе протосингелла и два раза управлялъ константинопольской патріархіей; обѣ этомъ могутъ засвидѣтельствовать его документы и всѣ христіане на востокѣ; а теперь онъ присланъ сюда отъ лица патріарха по поводу возникшихъ въ западнорусской церкви замѣшательствъ и, въ частности, по приглашенію князя Острожскаго для устройства его школы. „А что обо мнѣ здѣсь говорятъ, все это однѣ выдумки, не имѣющія никакого основанія“, прибавилъ обвиненный.

Никифоръ говорилъ самоувѣренno, не терялъ присутствія духа и надѣялся блистательно оправдать себя на судѣ.

¹⁾ Историческія известія о дѣлѣ Никифора, согласныя въ общемъ ходѣ разсказа, значительно расходятся въ частныхъ пунктахъ судебнаго процесса. Особенно много путаницы въ этомъ отношеніи представляетъ разсказъ „перестроги“. Поэтому, довольно трудно установить порядокъ во времени судебныхъ засѣданій и въ ихъ содержаніи.

Такимъ положеніемъ дѣлъ была очень недовольна сторона гетмана Замойскаго. Она постаралась усилить виновность Никифора указаніемъ новыхъ обвиненій. Янъ Замойскій припомнілъ, что во время молдавской войны Никифоръ былъ посредникомъ между турками и Польшею. Это обстоятельство, вообще мало влажущееся съ характеромъ поднятаго дѣла, дало поводъ Замойскому обвинить Никифора въ расположениі его къ Турціи, враждебномъ отношеніи къ Польшѣ и осложнить, такимъ образомъ, дѣло новыми уликами.

12 марта въ сенатѣ происходило новое засѣданіе по дѣлу Никифора. Обвиненныхъ начали опять допрашивать. Янъ волохъ на этотъ разъ вступилъ въ свою роль далеко не съ тою смѣлостью, какъ наканунѣ. Онъ сильно струсили. Запуганный судебною обстановкою и серьезностью возбужденнаго процесса (а можетъ быть, въ данномъ случаѣ, не обошлось безъ угрозъ со стороны католиковъ и уніатовъ), онъ теперь высказывается не такъ рѣшительно и рѣзко, какъ прежде, и своими двусмысленными отвѣтами даетъ поводъ для осужденія Никифора. На вопросъ:

— Отъ кого у тебя эти письма? онъ теперь отвѣчаетъ:

— Отъ Пафнутія, который былъ въ то время въ Острогѣ при Никифорѣ... Никифоръ зналъ объ этихъ письмахъ и одобрилъ ихъ содержаніе („za zaleceniem Nikieforza“)...

„Zalecenie“ со стороны Никифора, показанное Яномъ (подъ вліяніемъ ли страха или внушеній католиковъ—не важный вопросъ), пришлось очень кстати. Оно подтверждало подозрѣнія въ мнимыхъ политическихъ замыслахъ дидаскала и бросало тѣнь на благонамѣренность въ политическомъ отношеніи самого князя Константина Константиновича Острожскаго.

Замойскому только это и нужно было. Вставши съ своего мѣста, онъ обратился къ сенату съ слѣдующими словами:

— Милостивый кролю и панове мои! Мнѣ кажется, что теперь именно очень умѣстно вспомнить о переговорахъ Никифора въ землѣ волошской съ турками и войскомъ вашего кополевскаго величества. Приблизительно за три дня предъ отсту-

пленіемъ татаръ изъ земли волошской, я получилъ письмо отъ Синамъ-паши, который, при содѣйствіи Никифора, хотѣлъ вынудить у меня слѣдующія условія: во первыхъ, чтобы волошскій господарь Іеремія присягнуль на вѣрность цезарю турецкому; во вторыхъ, онъ долженъ отдать своего сына или брата къ ту; редкому двору въ качествѣ заложника; въ третьихъ, Никифоръ хотѣлъ, чтобы ваша королевская милость приняли обязательство защищать воеводу волошскаго отъ враговъ; наконецъ, въ четвертыхъ, убѣждая меня согласиться на всѣ эти условія, Никифоръ прибавлялъ, между прочимъ, что вмѣшательство турокъ въ дѣла Валахіи не должно представлять ничего страннаго, что если поляки признали у себя королемъ Стефана, по предложению Турціи, то тѣмъ болѣе волохи могутъ признать воеводою кандидата, представленнаго турками.

Всѣ обвиненія были объединены въ особыхъ юридическихъ вопросахъ и „казано было, абы отецъ протосингелъ на заданные ему артикулы отповѣдалъ“. Въ эти артикулы были включены всѣ сплетни на счетъ Никифора, какія только можно было тогда собрать. Его обвинили въ нарушеніи мира не только одной короны польской, но и „всего христіанства“, въ чернокнижіи, въ томъ, что онъ вошелъ въ ласку цесаря турецкаго, что онъ ввелъ землю волошскую въ неоплатные долги и совѣтовалъ турецкому султану братъ дѣтей у христіанъ, что онъ привелъ на землю волошскую татарскаго царя, что онъ тайно доносить туркамъ всѣ, что дѣлается въ Польшѣ и въ письмахъ своихъ пишеть что „поляки, какъ собаки, сами себя ъдятъ“, что онъ указывалъ туркамъ дорогу въ Польшу; что онъ убилъ одного мальчика, находился въ интимныхъ сношеніяхъ съ матерью султана и что онъ, наконецъ, не имѣя никакихъ полномочій, будучи простымъ человѣкомъ, рѣшился самовольно вмѣшиваться въ церковныя дѣла рѣчи посполитой, разорвалъ церковное соединеніе латинянъ съ православными, осмѣлился низлагать митрополита и епископовъ съ ихъ сановъ и тѣмъ произвелъ большое замѣшательство во всемъ государствѣ. Это онъ дѣлалъ съ тою цѣлью, чтобы непріятель, воспользовавшись безпорядками Польши, тѣмъ, легче могъ овладѣть страной.

Никифоръ сильно смущился, когда ему представили цѣлый рядъ искусно сплетенныхъ подозрѣній. Онъ теперь ясне, чѣмъ когда либо, понялъ, что враги рѣшили преслѣдоватъ его систематически и неотступно. Смутное, тяжелое предчувствіе печальнаго результата своего процесса внушило ему еще большую энергию къ самозащите. Никифоръ слишкомъ вѣрилъ въ себя. Онъ выступилъ съ новою рѣчью, въ которой, пункть за пунктомъ, опровергалъ всѣ возводимыя на него обвиненія.

— Всё это одна ложь и клевета, говорилъ Никифоръ, а если бы предположить, что и въ самомъ дѣлѣ было что нибудь подобное, тогда судить о томъ, что дѣжалось въ чужой землѣ,— не ваше дѣло. Но пустъ, однако, скажетъ самъ гетманъ по совѣсти, что онъ знаетъ о моихъ дѣлахъ въ Валахіи и что заставляло меня принимать участіе въ этомъ дѣлѣ. Дѣйствительно, я былъ посломъ въ переговорахъ Синамъ-паши и гетмана Замойскаго, но я прошу васъ, сами узнайте подробно объ этомъ дѣлѣ. Вѣдь разсудите: если-бы мое вмѣшательство было своеокрыстно, оно не имѣло бы такихъ послѣдствій... Стороны были очень довольны моимъ вмѣшательствомъ, татары и турки отстали, Валахія успокоилась. Само дѣло говорить за себя. Перебѣщикомъ я не былъ и извѣстій изъ Польши въ Турцію не посыпалъ, я готовъ горло свое дать, если только это правда... Яна Волоха не я посыпалъ въ Турцію. Это дѣло пана воеводы кіевскаго. А что касается подозрѣнія, что будто бы я не состою въ званіи протосингелла, то на это я вотъ что скажу: не только отъ константинопольскаго, но и отъ всѣхъ остальныхъ трехъ патріарховъ я имѣю полномочіе на это званіе и имѣю полное право въ каждой ихъ діоцезіи, гдѣ мнѣ угодно будетъ, созывать соборы, наблюдать за порядкомъ, низлагать виновныхъ съ ихъ сановъ и на мѣсто ихъ ставить другихъ. Я имѣю на это письменныя удостовѣренія, а если и имѣ не вѣрите, то въ такомъ случаѣ ничего другаго вамъ не остается, какъ послать въ Константинополь и на мѣсто удостовѣриться въ справедливости моихъ показаній. Тамъ-же вы легко можете забрать справки обо мнѣ, о моемъ образованіи и пропломъ, и если все окажется вполнѣ согласнымъ съ моими показаніями, тогда вы поймете,

какъ жестоко клевещутъ на меня мои враги. Говорять, что я занимаюсь чернокнижiemъ; пусть докажутъ это, пусть представятъ факты, соответствующie обвиненiu. Что касается обвиненія въ убийствѣ какого-то „хлопца“, въ интимныхъ связяхъ съ султаншею, то это такiя грубыя и неосновательныя сплетни, на которыхъ и отвѣтъ не слѣдуетъ... и т. д.

Неизвѣстно, въ какой степени понимали судьи Никифора волошскiй языкъ, на которомъ онъ говорилъ свою защитительную рѣчъ, но во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что протосингелъ долженъ былъ выслушивать обвиненіе на одномъ языкѣ, а оправдываться на другомъ, значительно повредило его дѣлу. Обвиненія противъ Никифора были болѣе понятны судьямъ, чѣмъ оправданія обвиненнаго. Многие изъ католиковъ, враговъ Никифора, совершенно не поняли его рѣчи, а кто понялъ, тотъ не желалъ оправданія человѣку, подъ авторитетомъ котораго не такъ давно, пять мѣсяцевъ тому назадъ, произошелъ раздоръ между православными и католиками изъ-за уніи.

Дѣло Никифора на сеймѣ обсуждалось и публично, въ присутствiи всѣхъ сенаторовъ, и „pruwatnie“, въ присутствiи шести лицъ. Послѣднюю форму оно приняло „по доконченiю сейму, когда ся только сами канцлерове и урядницы зостали“. „Король его милость, великими просыбами будучи усилованный, рассказалъ (приказалъ) приватnie“ тремъ сенаторамъ и двумъ канцлерамъ въ присутствiи маршалка составить новое, особое засѣданiе для специального разбора дѣла. Процессъ длился еще три дня, по распущенiю сейма. Королю и сенаторамъ во что-бы то ни стало хотѣлось осудить Никифора. Напрасно защитникъ обвиненныхъ—панъ Прилѣпскiй—повторялъ почти въ каждомъ засѣданiи свои заученные, однообразныя рѣчи, въ которыхъ, не прибавляя ничего новаго, ограничивался повторенiемъ уже извѣстного, т. е. что Никифоръ писемъ не писалъ, а Янъ не зналъ, что ему дали для передачи. Ничего не помогало. Всё это было, конечно, доказательно, только не для засѣдателей польского сейма...

Во время частнаго засѣданiя 28 марта въ залѣ волошскiе послы съ новыми показанiями на Никифора. Они

сказали, что султанъ турецкій подослалъ однажды въ Волощину пять шпіоновъ и что однимъ изъ нихъ былъ именно никто другой какъ Никифоръ, убѣжавшій изъ Хотинской тюрьмы. Четверыхъ шпіоновъ поймали, а Никифоръ скрылся за границу... Въ политической дѣла Валахіи Никифоръ вмѣшивался самовольно, не имѣя на это никакихъ полномочій... и т. д.

Рѣчь волошанъ была знакома Никифору. Онъ одушевленно отвѣчалъ, что, напротивъ, необходимыя полномочія у него были и для доказательства тутъ-же показалъ письма къ нему волошскихъ знатныхъ пановъ.

Волошане разсмотрѣли письма, признали ихъ дѣйствительными, хотя и не считали подписавшихся подъ ними пановъ знатными лицами Валахіи.

Затѣмъ, Никифоръ показалъ еще письмо, писанное къ нему Іереміею, воеводою волошскимъ. Въ немъ Іеремія просить Никифора прибыть въ Валахію и помирить его съ Синамъ-пашею, безъ пролитія крови.

— Я принялъ просьбу Іереміи, сказалъ Никифоръ, прїѣхалъ въ Валахію, устроилъ ея спокойствіе и затѣмъ отправился въ польско-литовское королевство; на границѣ меня арестовали и посадили въ тюрьму, изъ которой я долженъ былъ уйти, такъ какъ мое присутствіе было необходимо въ западной Руси, куда меня послалъ константинопольскій патріархъ для благоустройства православной церкви. Тамъ я жилъ до сихъ поръ, ничего не подозрѣвая...

Къ такимъ отвѣтамъ обвиненнаго суды уже привыкли и не обращали на нихъ особенного вниманія.

Обвиненныхъ заключили въ ратушу, въ которой сидѣль тогда и Наливайко. Дѣло Никифора, начатое изъ-за пустяковъ, неожиданно приняло широкіе и серьезные размѣры. Константина Острожскій былъ сильно раздраженъ такъ неблагопріятно сложившимися для Никифора обстоятельствами; онъ обозвалъ Яна волоха „глупымъ холопомъ“ за его послѣднее показаніе, но не предпринималъ никакихъ средствъ для защиты своего дидаскала. Замѣчательенъ фактъ, что во всѣ время процесса князь Острожскій стоялъ въ сторонѣ, не принималъ въ дѣлѣ

активнаго участія, а Никифоръ ни разу не попросилъ у него покровительства и защиты въ эту критическую для него минуту. Надобло ли князю это дѣло, или, вообще, онъ сталъ индиферентнѣе глядѣть на вещи?... Можетъ быть и то, и другое, но фактъ тотъ, что князь во всѣ время процесса оставался зрителемъ. Лишь только въ самомъ концѣ его онъ проявилъ себя, проявилъ очень характерно, со всею желчью своего раздражительнаго настроенія и оскорблennаго самолюбія.

VI.

Во время одного изъ частныхъ, приватныхъ засѣданій, сенаторы, должно быть, уставши отъ продолжительныхъ совѣщаній, разошлись по заламъ для отдыха. Одни ушли въ комнаты короля, другіе „до другаго покою“. Въ послѣднемъ уединенно сидѣлъ князь Острожскій, еще раньше сенаторовъ пришедшій сюда. Онъ, повидимому, искалъ спокойствія своему раздраженному настроенію духа. Константинъ Константиновичъ былъ врагомъ офиціальныхъ проволочекъ дѣла. Онъ любилъ дѣйствовать прямо и непосредственно. Іезуитская политика и судебная интрига, принятая королемъ для осужденія Никифора, возмущали его больше, чѣмъ лживые доносы на протосингелла. Вонши сенаторы. Завязался общій разговоръ.

— Всё это сплетни („плетки“), говорили одни. Стойти ли изъ-за нихъ поднимать такое дѣло у короля и рѣчи послопитой? Важно то, что Никифоръ синодъ собиралъ („синодовалъ“), митрополита и владыкъ низложилъ съ ихъ урядовъ...

— Низложеніе это не имѣть никакого значенія, сказали другіе, потому что оно идетъ отъ простаго человѣка.

— А всѣ это произошло отъ того, что у Яна напли торбу съ письмами и посчитали его за перебѣщика, прибавили третью...

И, вообще, различные тогда шли толки по дѣлу Никифора („разное мнimanье и размова“). Иные положительно высказывались въ томъ смыслѣ, что причиною поднятаго дѣла служить „непріязнь гетманской (Замойскаго) напротивъ пану воеводѣ кіевскому“... и что низложеннымъ владыкамъ было очень же-

лательно осужденіе экзарха, такъ какъ въ такомъ случаѣ проклятие („выкликаніе“) его „не важное быти-бы мусѣло“.

Нужно представить себѣ настроеніе князя Константина Константиновича Острожскаго, навѣянное на него такими разговорами, въ которыхъ, время отъ времени, произносилось кетати и не кстati его имя. И сожалѣніе о невинно страдающемъ Никифорѣ, и сознаніе глубокаго оскорблениія въ лицѣ Никифора, недавняго предсѣдателя православнаго собора, всему православному духовенству, и горечь отъ недобросовѣстной, хотя офиціально-правильной, постановки судебнаго дѣла и, наконецъ, досада отъ невозможности поправить дѣло—все это слилось у него въ одинъ безразличный психическій актъ ожесточенія и озлобленія.

Сенаторы спорили свободно и непринужденно. Немного спустя („по малой хвили“) „вшоль король съ покою своего до того покою, гдѣ сенаторове съ паномъ воеводою кіевскимъ были“. Константинъ Константиновичъ не могъ терпѣть дальше... Онъ всталъ и сдѣлалъ королю, въ присутствіи его сенаторовъ, рѣзкую сцену: онъ „учинилъ широкую и досыть жалостную мову до короля“.

Прежде всего старикъ Острожскій напомнилъ королю про исхожденіе своей княжеской фамиліи изъ древняго рода, заслуги своихъ предковъ для рѣчи послолитой, начиная отъ Сигизмунда I, дѣда короля его милости, Сигизмунда Августа, Генриха и Стефана—королей польскихъ, которые умѣли миловать своихъ подданныхъ, снисходить къ ихъ недостаткамъ и справедливо судить жалобы.

— Я уже старъ, говорилъ князь Острожскій, и очень благодаренъ королю за его ласку ко мнѣ. Одного моего сына ты посадилъ „въ правицы“, а другого „въ лѣвицы“¹⁾). Это меня старика утѣшаетъ. Но вотъ теперь совершенно неожиданно поднялось въ краѣ недовольство на православныхъ, и на меня, твердаго защитника своей православной вѣры, напали

¹⁾ Янушъ Константиновичъ Острожскій, старшій сынъ князя, былъ назначенъ каштеляномъ краковскимъ (1593 г.) и занималъ въ сенатѣ первое място; второй сынъ князя Александръ Константиновичъ былъ волынскимъ воеводою и старостою Переяславскимъ.

со всѣхъ сторонъ враги и, въ частности, этотъ канцлеръ, гетманъ Замойскій, который, по личной ненависти ко мнѣ и зависти моему богатству, славѣ и видному положенію, гонить слугъ моихъ, велитъ хватать добрыхъ людей, ни въ чемъ не повинныхъ, „пенязи“ отбираеть, мучить и т. п. Мало того, желая навести безчестіе на меня и всѣхъ православныхъ, онъ нападаетъ на духовныхъ православной вѣры и называетъ ихъ измѣнниками. А ваша королевская милость, видя всѣ это, этотъ „кгвалтъ“ и нарушеніе правъ, не обращаетъ никакого вниманія на присягу свою, которою обовязался не нарушать нашихъ правъ, но напротивъ примножать и расширять ихъ. Тебѣ вовсе не желательно поддерживать насъ. Отступниковъ отъ православія ты ласкаешь, позволяешь имъ причинять намъ разныя насилия и проливать кровь тѣхъ, которые не хотятъ слѣдовать ихъ примѣру и по прежнему держатся своей родной вѣры. Ты наступаешь на права наши, ломаешь вольности (привилегіи) наши и налегаешь на нашу совѣсть!.. Я всѣ это вижу и хорошо чувствую обиду, „кривду“, которую ты намъ причиняешь. Я вижу къ чему это ведеть. Помни мое слово, что если такъ продолжится далѣе, королевство польское погибнетъ, потому что недалеко уже то время, когда никто не будетъ обеспеченъ въ своихъ правахъ и свободѣ... Государство идетъ къ замѣшательству. Это бы, впрочемъ, еще ничего; не случилось бы чего нибудь похуже!.. Осмотрись кругомъ себя, ваша королевская милость, и „здравой рады послухай“. Я уже старъ и недалеко время моей смерти; но я надѣюсь, что болѣше не увижу нарушенія правъ православныхъ въ нашемъ государствѣ; въ противномъ случаѣ ты дашь за насъ строгій отвѣтъ на страшномъ судѣ. А что касается Никифора, то его крови я буду искать на судѣ Божіемъ“.

Острожскій замолкъ, „отступилъ трохи“, подозвалъ своихъ адъютантовъ и направился къ выходной двери, опираясь на плечо своего пріятеля. Пріятель сказалъ, что нужно-бы „почекать на колевскій отвѣтъ“; стариkъ не обращалъ вниманія.

— Пане воеводо, его милость король хочетъ съ вами говорить, сказали ему.

Острожскій не хотѣлъ больше слушать короля и „пошелъ прочь“. Король смутился, растерялся и не зналъ, что предпринять. Онъ послалъ за княземъ его зятя—воеводу виленскаго—Радзивилла. Радзивилль подбѣжалъ къ князю и просилъ вернуться. Тотъ продолжалъ идти.

— Увѣряемъ вашу мость, сказалъ Радзивилль, что король очень тронутъ вашими словами и что Никифоръ будетъ освобожденъ.

Князь остановился.

— *Нехай-же соби и Никифора зѣистъ,* сказалъ онъ раздражительно, „въ великой жалости будучи“, и вышелъ изъ дворца.

На слѣдующій день рано князь выѣхалъ изъ Варшавы, покинувши Никифора съ нѣсколькими слугами „тамъ, на палацѣ“, котораго „королевскіи гайдуки тотчасъ-же оступили“.

Сомнительно, конечно, чтобы Никифоръ получилъ прежнюю свободу, какъ обѣщалъ король чрезъ Радзивилла, но его участъ была-бы, быть можетъ, нѣсколько иная, если-бы князь Острожскій не испортилъ дѣла своею горячностью.

Дальнѣйшая судьба дидаскала очень печальна.

Оставленный „тамъ, па палацѣ“, онъ сдѣлался предметомъ сенаторскихъ разсужденій.

„Что съ нимъ дѣлать? Да кстати и съ Яномъ волохомъ?“

Высказаны были, какъ и обыкновенно у польскихъ сенаторовъ, различные мнѣнія. Одни стояли на томъ, чтобы надъ обвиняемыми было вторично назначено слѣдствіе и виновные были-бы приговорены къ смертной казни. Въ такомъ родѣ высказывалось большинство. Другіе говорили, что Никифора слѣдуетъ содержать въ иочетѣ („in honesta custodia“), а тѣмъ временемъ постараться-бы розыскать Пафнутія, который писалъ эти письма. Третыи наконецъ, совѣтовали снести по этому дѣлу съ Валахіей, забрать тамъ точныя и достовѣрныя справки о степени виновности Никифора.

Король согласился съ двумя послѣдними мнѣніями и издалъ декретъ, чтобы Янъ и Никифоръ содержались въ заключеніи до нахожденія Пафнутія.

Пафнутия, конечно, не нашли; едва-ли его и искали... Никифора заключили въ крѣпость въ Малборкѣ, гдѣ онъ и скончался. Яна волоха отправили въ Варшаву; тамъ его велѣно было держать до слѣдующаго варшавскаго сейма.

Напрасно патріархъ Мелетій Нигасъ просилъ князя Острожскаго и всѣхъ православныхъ князей освободить Никифора „отъ навѣта и всякихъ бѣды“. Его просьба осталась безъ усѣха.

Впослѣдствіи стали ходить слухи, что Никифора будто-бы уморили постомъ.

Такъ кончилась „справа“ отца протосингелла.

VII.

Православные смотрѣли на Никифора, какъ на мученика за вѣру, и повѣствователь его „справы“ считаетъ нравственнымъ долгомъ присоединить къ своему разсказу о Никифорѣ соотвѣтствующее, назидательное поученіе православному обществу.

„И вы, православные христіане,—говорить онъ,—слышаши о томъ, съ терпѣливостью идите на предлежащій вамъ подвигъ, взираючи на начальника вѣры и совершилеля Іисуса, Который вмѣсто потѣхи принялъ кръжъ, о встыдѣ не дбалъ“.

Судъ надъ Никифоромъ повѣствователь приравниваетъ даже къ суду Спасителя у Пилата и, для большаго впечатлѣнія на читателя, непосредственно за разсказомъ о процессѣ экзарха разсказываетъ о судѣ надъ Іисусомъ Христомъ.

Общество слѣдило за процессомъ Никифора на варшавскомъ сеймѣ, но когда процессъ кончился, оно забыло о дидаскалѣ и не интересовалось его судьбой. Ни откуда не видно, чтобы даже православные предпринимали что либо для освобожденія и оправданія оклеветанного и опозоренного предсѣдателя своего собора, представителя восточной, вселенской церкви, экзарха и протосингелла греческихъ патріархатовъ.

Прошелъ годъ.

Впечатлѣніе обиды прошло у князя Острожскаго, и онъ помирился съ гетманомъ Замойскимъ. Это было на слѣдующемъ варшавскомъ сеймѣ. „Найдовались добрые люди, которые свели

ихъ и они поедналися“ въ то время, когда Никифоръ сидѣлъ „въ Малборку“. Никто не подалъ голоса въ защиту бѣднаго протосингелла, только одинъ лишь Казимирскій, „добрый пріятель пана воеводы“, сказалъ Константину Константиновичу, когда тотъ „ишолъ въ нокояхъ королевскихъ у Варшавѣ до зъедданья зъ гетманомъ“:

— Пане воеводо! Идешъ еднатися зъ гетманомъ для того, ижъ обѣщался тебѣ пріятелемъ быти.... *¶* Никифоръ пропалъ...

Князь не обратилъ вниманія на слова своего пріятеля. Онъ „поеднался“ съ гетманомъ.

VIII.

Въ заключеніе — нѣсколько словъ о причинахъ печальной участіи экзарха Никифора.

Эти причины лежали не въ случайныхъ личныхъ отношеніяхъ двухъ польскихъ вельможъ — Острожскаго и Замойскаго, а въ обстоятельствахъ болѣе серьезнаго характера. На варшавскомъ сеймѣ сказалось лишь общее послѣдствіе многихъ фактовъ. Корень ненависти короля и его сенаторовъ къ Никифору нужно искать въ октябрьскомъ, брестскомъ соборѣ 1596 года. Между октябремъ 1596 года и февралемъ 1597-го успѣло нарастіи для Никифора много непріятностей, погубившихъ его.

Никифоръ погибъ потому, что съ его авторитетнымъ званіемъ патріаршаго протосингелла и экзарха связывалась сила тѣхъ опредѣленій православнаго брестскаго собора, которыми уніатскіе епископы проклинались и канонически лишились своихъ мѣстъ.

Какъ ни индифферентно относились уніаты и католики къ патріархамъ, однако представительства ихъ въ восточной, православной церкви они отрицать не могли. Впечатлѣніе, произведенное осужденіемъ западно-русскихъ епископовъ и митрополита отъ имени восточныхъ патріарховъ на православномъ соборѣ, было сильно въ обществѣ. Еще до брестскаго собора епископы, согласившіеся на унію, предвидя неопределенный исходъ затѣяннаго дѣла, боялись проклятія восточной церкви. Это про-

клатіе подрывало ихъ авторитетъ въ глазахъ уніатовъ. Король успокаивалъ ихъ своими грамотами и писаль, что проклятие патріаршее не будетъ имѣть для нихъ никакого значенія. Но то, чего они такъ боялись, то и случилось: они были канонически низложены и на нихъ тяготѣла анаѳема восточной церкви. Чтобы ослабить сколько нибудь впечатлѣніе, произведенное опредѣленіями брестскаго, православнаго собора, поляки начали пропаганда противъ Никифора — предсѣдателя собора. „Отступницы, боячися того, же были отъ протосингелла патріаршего зъ достоинствъ посыданы, начали шукати дороги на протосингелла, за даючи то, же онъ николи отъ патріарха въ такой справѣ не былъ посланъ, и овшемъ самовласнѣ до Острога, по приватной справѣ своей, альбо потребѣ прїхалъ, то есть для науки дитокъ“. Какими именно средствами „шукали отступницы дороги на протосингелла“, это не выяснено, да и едва-ли можетъ когда либо выясниться по самому существу интриги, какъ интимнаго, скрытаго пути для достиженія опредѣленной цѣли. Во всякомъ случаѣ, ссора воеводы кіевскаго съ гетманомъ Замойскимъ и арестъ пьяного волоха въ Шаргородѣ были очень кстати для польскаго короля и его сенаторовъ. „Когда отступницы послышали о томъ, они вельми радовалися“. Замойскій ловко съумѣлъ связать миссію пьяного Яна волоха съ мнимыми политическими замыслами, малозначительный фактъ онъ превратилъ въ событие важнаго, сенационнаго характера, и Никифоръ отправился „до Малборку“. Съ этой точки зрењія понятно, почему поляки такъ спѣшили судить Никифора ¹⁾, не оставили въ сторонѣ ни одной сплетни, претендовавшей на степень обвиненія, и настойчиво требовали его осужденія, не смотря на то, что всѣ „артикулы“ были основательно опровергнуты или разъяснены обвиненнымъ. Позоръ Никифора вполнѣ согласовался съ интересами тогдашней внутренней польской политики. Польское правительство видѣло въ Никифорѣ не только виновника низложенія уні-

¹⁾ Дѣло разбиралось не болѣе десяти дней — срокъ слишкомъ незначительный для такого сложнаго и ~~загадочнаго~~ ^{своему характеру процесса}.

атскихъ епископовъ, но и будущаго противника введенія и распространенія въ краѣ унії. Оставаясь въ западной Руси въ качествѣ уполномоченнаго лица отъ восточнаго патріарха, онъ своими распоряженіями въ пользу православныхъ былъ бы главнейшимъ и опаснейшимъ врагомъ унії.

Что Никифоръ погибъ не какъ политической преступникъ, а какъ именно *защитникъ православія*, это доказывается еще характеромъ рѣчи князя Острожскаго королю. Эта рѣчь служить лучшимъ комментаремъ факта съ его неофиціальной стороны. О чёмъ говорилъ раздраженный князь? Ни о Янѣ волохѣ, ни о Пафнутіи, ни о молдавскомъ вопросѣ, ни о политической неблагонадежности Никифора, менѣе всего о Янѣ Замойскомъ, но главнымъ образомъ объ унії и притесненіи православныхъ („наступаешь на права наши, не хочешь насъ въ православной вѣрѣ заховати“ и т. п.). Странною и неумѣстною казалась бы рѣчь князя, если не поставить ее въ связь съ интимнымъ желаніемъ короля и сенаторовъ содѣйствовать цѣлямъ унії чрезъ по возможности безотлагательное осужденіе Никифора. Съ какой стати, въ самомъ дѣлѣ, говорить бы князю о вѣрѣ, если бы причиною осужденія Никифора были его политические замыслы, или вражда Острожскаго съ Замойскимъ? Не совсѣмъ также будуть понятны его угрозы судомъ Божіимъ изъ-за мелочей—„плѣтокъ“. Но однако ни король, ни сенаторы не нашли его рѣчи неумѣстною, значитъ она была кстати. Правда, князь, по своему обыкновенію, увлекся, наговорилъ много лишняго, но упрекъ королю былъ высказанъ имъ справедливо и умѣстно.

Можно только пожалѣть обѣ одномъ, что князь Острожскій не пожелалъ воспользоваться своимъ сенаторскимъ вліяніемъ и авторитетомъ экзарха, чтобы облегчить, насколько это можно было, участъ Никифора. Къ сожалѣнію, сдѣлать это не позволяли характеръ князя и его слово не вмѣшиваться больше въ это дѣло. Роковое „нехай же и Никифора зѣсть“—рѣшило судьбу послѣдняго. Быть можетъ, князю и хотѣлось впослѣдствіи принять какое нибудь участіе въ положеніи всѣми

оставленнаго Никифора, но „амбіція“ и гордость польского магната, считавшаго себя въ своемъ оскорблennомъ чувствѣ выше вмѣшательства въ дѣло съ тѣхъ поръ, какъ онъ оскорблень, удерживали его отъ участія, и князь выдержалъ свою роль до конца.

Ѳ. Кудринскій.

